

Именно так назвал свою последнюю книгу ушедший из жизни 12 января 2015 года Виталий Алексеевич Канашкин – человек неуёмного духа, безмерного таланта, неугасимой воли к жизни, невыносимо дерзкий, способный приносить в свет неудобную для ближних, самую горькую, с привкусом полыни правду. . .

“Автор двухтомника “Вещье поле России” и многих знаковых книг, исподволь поворачивающих время: “Народа душа родниковая” (1976), “На пути к себе” (1985), “Стопами самосотворения” (1993), “И в помыслах, и в чувствах” (1994), “Триумф обрезанного духа” (1995), “Русская литература: всегда и теперь” (2000), “Во тьме настоящего” (2001), “После тризны” (2003), “Вздых погребённых” (2007), “Кубанская дуга” (2008), “Ад – это мы” (2009), “Азь есмь” (2012), “Русский клич” (2014)” – именно так скажет о себе самом Канашкин в формате авторской самопрезентации на обложке “Атакующего распятия” и выдаст ту метафизическую плоть собственного духа, которая и была распята временем, утратившим интерес к смыслам, и которая исторгнута из надорванной души самостийным Словом. Энергию слов, вышедших из-под пера Виталия Канашкина, невозможно было запретить, сдержать или, того хуже, преломить, ибо она, эта энергия, являла собой “энергию новорусского гула и глубинной национально-исторической поступи, управляющей нашим духовным Бытием”, и потому от книги к книге обретала атакующий вектор. Под прицелом беспощадной авторской мысли оказывалось то мизерное, маргинальное, не-сущностное – из разряда плевел, – которое из века в век выдаёт себя за зёрна. Как библейское древо, цвет которого прельщает красотой, но не даёт плода. . . И тогда, в духе Маяковского, на нежные лепестки “смоковницы” обрушивались гневные неологизмы Виталия Канашкина: “Самоубийство идеи”, “Ставка на “сволочь”, “Трупный яд соития”, “Границы холуяжа”, “Интеллектуалобесие”, “Власть тьмы и тьма власти” и др.

Парадокс судьбы В. А. Канашкина в том, что, будучи рьяным государственнымником, ратая за возрождение великой Державы и атакуя на своём словесном фронте язвы государственной жизни, доктор филологических наук, профессор, председатель диссертационного совета по защитах докторских диссертаций, заведующий кафедрами современной литературы, аналитической журналистики, литературы, теории и критики КубГУ, известный критик, публицист, чьё имя стояло в одной строке с именами В. Кожина, М. Лобанова, А. Проханова, главный редактор всероссийского журнала, который в 90-е годы не уступал таким патриотическим изданиям, как “Наш современник” и “Молодая гвардия”, – последнее десятилетие своей жизни был исторгнут из государственного вуза. Как редактор и как профессор Виталий Алексеевич последние годы трудился в частном вузе – Кубанском социально-экономическом институте, продолжая издавать журнал “Кубань”, выпустил в свет более десяти томов собственных трудов, в которых запечатлена эпоха. Именно негосударственный вуз предоставил возможность ВАКовскому профессору В. А. Канашкину продлевать жизнь старейшему, главному изданию Кубани, бороться за обретение Россией утраченных государственных скреп.

Быть Канашкину ближним, оставаться в кругу его интересов и смотреть с ним по жизни в одну сторону – всё равно что добровольно жить на извергающемся вулкане. Он всегда доставал до дна – и себя, и окружающих. . . нарушая и баланс, и комфорт. Но, теряя комфорт, престиж, бренд, В. А. Канашкин делал акцент не на своём одиночестве, а на том, что он в очередной раз

возвращается к себе. Как и его любимые литературные герои, которые по-народному просты, но значимы в своей самоценности. Неподдельный восторг вызывали в его душе своей подлинностью образы народного правдоискателя Чацкого, пушкинского Архипа с его самочинным “как бы не так”, неприметный подвиг капитана Тушина и народного ополченца Тихона Щербатого, те прикровенные глубины родниковой души народа, которые, будучи постигнутыми, для самого В. А. Канашкина становились “столпами самосотворения”.

Обозначение народности как базисной категории собственных идейно-эстетических исканий Виталия Алексеевича Канашкина, защитившего докторскую диссертацию по проблеме народности русской литературы, – жить “в строку”, то есть соответствовать времени, быть на гребне эпохи и претворять в жизнь помыслы и чаяния народные как веши собственной судьбы и судьбы Отечества. Именно такое осознание собственного призвания – сопрягать Словом и в Слове разъятое временем жизненное пространство – позволило Виталию Канашкину, главному редактору “Кубани”, преобразовавшему в 1991 году альманах во всероссийский общественно-политический и литературно-художественный журнал, – исподволь повернуть безвременье “нулевых” в русло возрождения кубанского казачества, русского философского ренессанса, духовных основ русской государственности. Кубанское казачье войско воссоздавалось в 90-е на волне публикаций трудов Ф. А. Щербины, Д. Яворницкого, художественных и публицистических свидетельств очевидцев эпохи образования казачьей столицы. Понимание “Русского Мира как Русского Креста” складывалось у читателей “Кубани” благодаря публикациям философских трудов И. А. Ильина, С. Булгакова, П. Флоренского, С. Франка, М. Меньшикова; архивным материалам, раскрывающим трагедию расказачивания, убийства царской семьи, Пуришкевича, Григория Распутина... Работы известных мыслителей современности – И. Шафаревича, В. Кожина, М. Лобанова, В. Тростникова – побуждали читающих “Кубань” лицом к лицу стать с собственной трагической судьбой, преодолевать горизонты мрака, обступающего Родину, обречать цену самостояния, к которому призывали публикуемые на страницах журнала стихи Юрия Кузнецова:

*Всё стоит в знак вечного покоя...
Столпник перед Господом стоит.
Древо жизни умирает стоя,
Но стоит и мне стоять велит.*

Самостояние Виталия Канашкина – в утверждении наличности собственно-го бытия и бытия народа (“Азь есмь!”), вопреки тому, что само время отменяет всякую сущность, предлагая взамен не-главное, не-сущностное, не-подлинное, не-первичное, что апостасийно и не имеет права на жизнь.

Виталий Алексеевич Канашкин ушёл из жизни, десятью днями перешагнув рубеж 70-летия “Кубани”. Как редактор журнала, не имеющего штатного состава журналистов, он единственный в регионе издал два тома “Кубани”, посвящённых подвигу писателей-фронтовиков Кубани и подвигу Кавказа в Великой Отечественной войне.

Метафизика человеческой сущности раскрывается в момент ухода. Каким он был у Виталия Канашкина? Осознанным, но не принятым. Рядом с ним (в момент и уже после) остались лежать листы, на которых писалось введение к новой книге “Крылья нетопыря”. Его сердце перестало биться в ту минуту, когда в своём кабинете редактор Екатерина Сидорова продолжала работу над очередной главой авторской рукописи Виталия Алексеевича. А на рабочем месте профессора лежат собранные им работы студентов 3 курса, которых, по выражению Мастера, он сумел пробудить в Слове... Работы увидят свет на страницах “Кубани”, которая будет издана в память об Учителе как “номер для души”. Своим многочисленным читателям и любящим студентам – будущим журналистам, – атакуя творческую бездарность, несправедливость жизни, человеческое, в первую очередь – собственное несовершенство, профессор Канашкин преподал главный урок: если относиться к Слову искренне (писать, как живёшь, и жить, как пишешь), его энергия необорима. Она делает человека объёмнее его земной жизни. И оставляет неугасимый след...